

Егор Сакерин

Р О Д Н И Є

(вступление в прозу)

УХОДЯ УТРОМ

Его рыжеватые волосы теперь сползли на лицо, досстаявши до подбородка, сбились набок, закрыв один глаз, и прилипли к углу рта. Обычно они лежали со лба назад, аккуратно уложенные отцом. Он по утрам, крепкий и маленький, громко разговаривая с матерью, сдвигал их между ребрами ладоней, отчего они превращались в желтые крутые волны. Его рука нелепо, как вывихнутая, короткое крыло, поднялась и изогнулась над ним. Все ее напряжение перетекло в растопыренные пальцы руки, судорожно неподвижные, как у испанского танцора. Было так приятно, иногда, словно случайно, коснуться лбом или щекой этой рыжеватой, мягкой щетинки на толстых пальцах, вторая рука под натянувшимся пиджаком уже только краями побелевших ногтей касалась перрия, вернее, царапал, сдвигалась по ним вниз. В серых, громадных зрачках отца, скосившихся в противоположную от падения сторону, отразилась и поползла вверх синяя панель стены напротив с неровной филенкой. Нога вывернулась, согнулась, словно переломившись в коленке, как весной сухо ломается осиновый сучок, и рейки перрия задребезжали от каблука зимнего ботинка. Мать купила эти ботинки вчера, и они до вечера стояли в картонной коробке, пахнущей кожей и сеном.

Отец приходил всегда поздно, что-то кричал в коридоре нам с матерью и долго плескался и фыркал в ванной, смеясь, выбегал оттуда с полотенцем на середину комнаты, вытираясь и оставляя на полу мокрые пятна. На работе у него всегда что-то не ладилось, и еще он думал, что у него рак. Некоторое время он поскрипывал в этих ботинках по комнате, а потом я увидел, что подняты вверх уже обе руки. Вторая, неуклюже и беспомощно, тоже потянулась туда, за голову, к сдвинувшемуся, качнувшемуся потолку, но коленная чашечка уже разбилась о 3-ю ступеньку. И его небольшое, уже начавшее полнеть тело, словно в замедленном кино, выворачиваясь влево, подалось вперед и стало падать, и запрокинулась голова со сбившимися на лицо волосами, и

вытянулись руки, натянув до локтей рукава пиджака, и переплелись ступни ног. Переносица разбилась легко и сразу, хрустнув, как скатая в кулаке бумага, уступая цементу лестницы, и лицо сползло на ступеньку ниже, разорвав до подбородка нижнюю губу и размазав ее по камню, словно хлестнули красной нитью. Только что выбритый подбородок уже был раскрошен и вмят, и на белой его кости, чуть скрипнув, лицо съехало еще на ступень. Когда он плакал, уткнувшись лбом в окно и расплескивая в дрожащих пальцах прозрачную стекну, когда приходил с похорон старых друзей по фронту, когда кричал под вечер, что он не хочет, не хочет умирать от этого проклятого рака, не хочет оставлять меня и уходить, не доделав какой-то железнодорожной стрелки, его щека все глубже раздиралась нахальным цементом ступенек, и бровь его уже была вдавлена в глазницу.

На работе у него всегда что-то не ладилось. А в детстве я очень много болел. Он почти поседел, возя меня по врачам всего Собза. И стал пить. Через несколько операций он поставил меня на мои слабые ноги. На работе у него всегда что-то не ладилось и он не успел упасть хотя бы на локти, а теперь по трем ступенькам вниз за них тянулись выломанные зубы, влипшие в волосы, и он, отворачиваясь и уходя на кухню, странно покал плечами, словно извиняясь. С площадки, от двери нашей квартиры теперь были видны лишь неподвижные скрещенные ноги с задраншимися штанами и ненужные желтые ботинки, вернее только их резиновые подошвы, которые были похожи на две пластинки пегих мягких ушей вислоухой дворняги.

Он всегда падал на лицо.

Он погремел ключами в коридоре и громко прикликнул как обычно нам с матерью: "А ушел".

ДОЖДЬ НА ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Я знаю, мама, я знаю, что большой дождь сейчас в твоем городе, большой дождь. Что он сер, как тескливое утро, и холоден, как ноябрь. Он будет идти еще четыре дня, мама моя, и тебе не переждать его под узким навесом подъезда. Что с того, что пузыри на лужах? Ты одень ботинки и поспеши в магазин, через две улицы направо, где пахнет сыпичками и сырой; не обращай внимания — тебя толкнули, дождь ведь, мама, и все спешат. Все спешат, чтобы не вымокнуть с утра, но они все-таки вымокнут и будут потом сушиться целый день, развесивая на стульях плащи и косынки и разнося ногами стекающую воду, и вечером, возвращаясь с работы, промокнут заново. Ты не обращай внимания. Чем ты угостишь сына своего, мама? Ты позабочься, чтобы холодильник не опустел в углу комнаты, потому что надо будет кормить сына самым вкусным, домашним, когда он приедет и скинет незнакомое тебе пальто, которое покупала ему не ты. Отец вернется гораздо позже и, не раздеваясь, весь в дожде, небритой щекой прижимается к лицу сына, и тебе тоже захочется снова, вслед за отцом, еще раз, как поздняя назад, расцеловаться с сыном и встретить его вторично, вслед за отцом. Поэтому ты как-то засуетишься, забегаешь, радуясь, словно сама только что увидела сына, и снова соберешь на стол для всех, уже для всех троих, мама. Поэтому не обращай внимания, что дождь. Гораздо хуже, что сегодня опять эта болезнь и пульсирует что-то во лбу и в виске. Это даже и хорошо, что нет солнца. Ты купила ветчину и молодой картошки. Это на закуску, конечно на закуску. Теперь надо взять бутылку "Старки", — сын с отцом — когда приедут выпьют и ты пригубишь, и они поговорят, откинувшись на стульях, и ты будешь оправлять новенькую зеленоватую салтерь, и чуть раскраснеешься и не скажешь, что болит голова. Отец разговорится, подышав, расскажет, что уходит по ночам на повреждения, что мать вот приболела немного, что ремонт едва кончили в комнате, что умер сосед

этажом выше. Ты вспомнишь потом, что- кофе, ведь принаслала же кофе хороший, и станет тепло в твоем доме, где сейчас нет никого, и стены темны от дождя за окнами, и пол скрипит на любой половине. Пусто между четырьмя стульями и диваном, как в доме покойника. И эта гипертония, — давит во лбу, теснит. Две рубашки осталось выстирать. Да сину бы надо купить рубашку поприличнее. Конец месяца, — должны быть рубашки. Вчера одну видела — не дорогая совсем, на размер, правда, больше, так ничего это, рубашку бы надо. А тут вот дождь все. И в конторе спрашивают все, — когда приедет? Отец-то рад будет, мокрый придет, расщелуются, вода натечет, подтереть надо будет, — вода натечет. Я кофе ему принесла. Не купить сейчас кофе. Скатерть новую накроем. Куда же я положила скатерть? Зелеными цветами вся, зелеными цветами. В конторе, ничего, говорят, — красивая. Куда же я положила ее? Тут простыни, все, полотенца, в платяном шкафу нет, наверное. Да вот она, господи. Зелеными цветами. Заливное он любит, судака надо в рынке взять, моркови. Отгулы вот кончились только. В выходной теперь. Там и рубашку рядом посмотреть можно. Вчера одну видела — приличная рубашка. Приедет, хоть отдохнет немного. Отец уж давно ждет, молчит только. Ему все проще, — на работе, на людях весь день, в беготне. А мне что, — отсидишь свое в конторе, шестьдесят рублей получишь, только жизнь идет зря. Цветы как-то быстро завяли. Новые что ли купить, а то пусто в комнате. Да уж пусто. Приедет когда, — музыку включит, хоть книги раскидает. Да ненадолго ведь, недели бы на три приехал и то хорошо, а те раньше уедет. Писал, что приедет. Письма все у меня цели, в пакетике лежат и телеграммы здесь, и открытки. "Здравствуйте, мои дорогие...", "...все хорошо", "целую". Да ну уж, тут и слезы, в самом деле. Сколько раз перечитывала. Приехал бы, я ведь ему кофе тут принесла. Отец разговорится, про работу все расскажет, за грибами как прошлую осень ездил, целоваться, небрехтий, полезет, — а вот он и я, — закричит. Против сына-то уж маленький стал, вниз теперь растет. Вниз теперь растет. Заливное поставил им, новое надо сделать, старое съели пока ждем. Только зря в рынок ездила. В выходные теперь — отгулы кончи-

лись. Дождь зарядил, четвертый день идет. Написать разве, чтоб сапогки полегче привез. Да сам бы хоть приехал. А то и картошка отойдет молодая. А со сметанкой бы горячую, угостила бы. Переселять, я слышала, нас будут, весь подъезд переселять хотят, дом оседает, до пятого этажа трещинами пошел. Хуже нет, не зря говорят: два переезда — один пожар. В общежитие, говорят, значит, кухня общая. Значит, кухня общая. Куда же мебель деть, — полы открывать будут. Вот же нападать еще. Мебель и старая хоть, и выбросить можно, новой купить, да ведь привыкли как-то. Одно, — что листру заменить надо, — надоела уже, да руки все не дойдут. Руки все не дойдут. Сидишь одна вечерами, смотришь телевизор, и ничего уже несмотра, и нет никого в доме. Нет никого в доме. Когда еще отец придет. Вымок, наверно, вода набежит, подтереть надо будет. Посмотрит — не приехал ли, сядет ужинать. Молчит все. Молчит все. А дождь пройти завтра должен, он должен завтра пройти, мама. Ты не обращай внимания. Ты отсядь от окна, дует все-таки, к ночи ветер холодный, а халат у тебя летний, застудишься. К утру, видишь, высохло все, а в кабинете у себя ты не говори ничего, что говорить тут, — раз не отпрашивашься, не бегаешь, — не приехал, значит, пока. Он там ничего, он здоров там, мама. Комнату снимает недалеко от центра, все хорошо. Правда, грязь у него, мама, в грязи он живет. И не то, что лень или пьет, но, знаешь, за стенкой рядом девочка-энцефалик живет, кричит по ночам от страха, бьется об стену; сосед сверху заходит, плачет, когда пьяный, спит потом сутками на его кровати, чтобы жена не знала. Он ничего мужик, кровельщик, Палыч. Нес вчера сверху в знак дружбы тарелку с супом. Под хмелем был сильно и загремел-таки по лестнице. Сидит весь в борще на ступеньке, коты вокруг картошку едят. Я тебе супчику, — говорит, — принес. Он ничего мужик. Сын у него не родной. С сыном жену взял. Жена маленькая и глухая, кричит поэтому громко. Паскуда, — кричит, — паскуда последняя! Всю морду тебе разобьи! А он спокойный, молчит все. Молчит все. Первый муж был ее страшно, оттого и оглохла. Да девочка за стеной заснуть к ночи не может. Плачет и говорит с кем-то, хоть

одна живет. "Бедолага", - говорит Пальч. Посуду она странно моет, - на две тарелки полчаса уходит, крутит по денцу и крутит, сплюснет и опять. Что-то не вырвается ему, мама. Что-то больно ему. вст съест себе кашу холодную. Завернется в зеленое одеяло на кухне, и ест. да нет, это так себе, мама. И в кино он, конечно, ходит, хотя нораже в последнее время. Приедет вот- каждый день ходить будет. Если приедет. И за грибами с отцом, он так прижмется небритой щекой. И поужинаете втроем. потом они покурят. И ты рада будешь. Рубашку новую дашь примерить. конец месяца- должны быть рубашки. Рядом с рынком- там рубашку и посмотреть можно. Понравится ли только рубашка ему? должна понравиться рубашка. Рубашку и хорошую купить можно. Вот же с переселением еще. Совсем опасно жить, говорят, стало. Сплошь трещины. Нули-то откуда на полу столько? Только и подметай. Вчера, кажется, подметала. Вчера, кажется, подметала. А то молоденькой бы картошечки, я бы угостила. Ах, выкинул. Весь студень выкинул. Куда теперь, один суп варить. Укропа купить забыла. В выходные теперь. Уставать к вечеру стала. Во лбу теснит. Раньше с маленьким как я бегала. В пять утра да к озеру. Задыхался он, коклюш был страшный, кровью тянуло. А сам-то- чуть годик исполнился. Теряет сознание и все, и не дышит. В жару весь. В жару весь. Поседеешь тут, когда один остался. Два братика умерли, при родах умерли. Только в гробиках и видела. На столе стояли. Игрушки. А и ножки потом отнялись. И хотеть плачь ты здесь. Отец и вовсе извелся, знахарки пока да врачи, потом резать отдали. Молчал все. Да по ночам следил, чтоб не плакал. Теперь обрадуется. Выпьют вместе. А я уставать стала. Простирнешь занавески пока- и голову ломит. А еще роженку любит он. В канторе говорят- молоко вскипятить, сметану влей и - в теплое место. Надо сделать будет. Хоть дождь прошел. Зелеными цветами. Зелеными цветами. Стенинает, отца пока дожденься. Мне- что, только живу зря. Надо сделать будет. Совсем стенинает,- не зания где? Что-то пусто в доме. Вчера сплю, а по чердаку ходит и ходит кто-то, ногами шуршит. К худу или к добру,- говорю. К худу,- говорит,- к худу, к худу, к худу. И все.

И замолк. Зелеными цветами. Чем пахнет в углу? Чем,- думал,- пахнет в углу, а это цветы завяли, засохли цветы. Чего не передумаешь, пока стемнеет. Кот из окна выпал недавно. Кричал всю ночь. Из спины кости от лап торчали. Так и сдох. Шесть лет жил. Не запил ли где,- совсем темно за окном.

Да приедет же!

Отдохнет хоть. Сил совсем уже нет. И дышать мешает. Бисерина холодит. Бисерина холодит. И грязно вокруг, все грязно. Тарелку вот я разбила, для студня была тарелка.

Да что теперь в самом деле!

Зачем это я!

Стулья ли передвинуть? Да нет, пойти надо, пожалуй, пойти надо. Может, приедет скоро. Письма все у меня, в пакетике. Пойти надо. Пойти надо.

- А куда ты сейчас, мама?

- А к смерти, должно быть. К смерти, должно быть.